

— Неужели её кто-то ранил?

Эту фразу Чэнь Цзили так и не произнесла вслух.

Янь Хуасин, словно предвидя это, обернулся, улыбнулся и сказал ей:

— Я вовсе не считаю пору юности чем-то никчемным.

— М-м?

— Просто ты, как и нынешние студенты, не имеешь ясного представления о чувствах. Вы легко принимаете привязанность за любовь и начинаете верить, что человек, занявший ваши мысли, стал для вас незаменимым, — Янь Хуасин постучал себя по виску. — Но вдумайся хорошенько, Чэнь Цзили: неужели он действительно незаменим?

— ...

— Сомневаться — это нормально. Давай представим, что ты стоишь перед выбором, — Янь Хуасин протянул руку. — На ладони — возможность получить личный урок от J, которым ты так восхищаешься, а на тыльной стороне — свидание с ним. Что ты выберешь: ладонь или тыльную сторону?

Говоря о учебном корпусе, Янь Хуасин перестал называть Чжан Хайюя по имени, заменив его на простое «он». Даже несмотря на то, что вокруг никого не было, они говорили вполголоса, но Янь Хуасин всё равно оставался осторожным.

Чэнь Цзили закусила губу, погрузившись в глубокие раздумья. Она долго не могла решиться.

Янь Хуасин усмехнулся:

— Ты ведь давно знаешь ответ, верно? Просто ты хочешь поспорить со мной, доказать, что твои поступки верны, поэтому и не желаешь соглашаться с моими словами, так?

— ... — Чэнь Цзили убрала руку и промолчала.

Отвечать было не нужно — всё, что сказал Янь Хуасин, было правдой. Он удивительно точно читал мысли.

Развернув ладонь вверх, Янь Хуасин произнёс:

— Ты можешь отрицать мои слова, но не пытайся обмануть собственное сердце. После выпуска из академии перед тобой откроются два пути. Выбор за тобой, но разве не смешно менять свою жизнь ради кого-то одного?

Чэнь Цзили задумывалась об этом давным-давно. Стоит лишь набрать нужные баллы по академическим дисциплинам и пройти проверку безопасности, установленную обществом, как они смогут зажить жизнью обычных людей — без слежки, растворившись в огромном мире снаружи.

Чэнь Цзили стремилась к этой свободе. Она надеялась на лучшее будущее, а не на существование в клетке Корпорации Моэнь, где каждый шаг под надзором, а любой начальник может просматривать её медицинские показатели. Жизнь, подобная жизни птицы в золотой клетке.

Она пыталась разузнать через других, что думает Чжан Хайюй, но оказалось, что у него нет никаких планов выбираться наружу.

Слова Янь Хуасина отрезвили её, вскрыли нарыв проблемы, от которой она так долго бежала, и заставили взглянуть реальности в глаза.

— Нужно работать над собой — вот чем мы должны заниматься в пору своей юности, а не тонуть в эфемерной любви, у которой нет будущего, — продолжал Янь Хуасин. — Если у тебя есть мечта, борись за неё, не нужно подстраиваться под других.

Чэнь Цили глухо отозвалась и снова погрузилась в свои мысли.

Янь Хуасин взглянул на время. До начала первой пары оставалось ещё долго, и он не спешил уходить:

— А кто для тебя самый важный человек?

— ...Родители? — Чэнь Цили немного подумала и ответила.

Она отогнала имя, всплывшее в голове, стараясь сохранять рассудительность.

Однако Янь Хуасин покачал головой.

Чэнь Цили удивилась:

— У этого вопроса есть стандартный ответ?

Янь Хуасин мягко улыбнулся:

— Изначально не было, но после разговора с тобой появился один.

— Но ведь необязательно следовать только одному ответу, даже в математических тестах бывают разные способы решения, — возразила Чэнь Цили.

— Но ты же сама знаешь, — ответил Янь Хуасин, — как ни крути, а правильный ответ в тесте всегда один, просто форма подачи может отличаться.

— ...И то верно.

Она действительно не могла переспорить Янь Хуасина. По дороге она прокрутила в голове множество аргументов и контраргументов, но ни один из них так и не пригодился. Даже если бы она их озвучила, Янь Хуасин нашёл бы способ выкрутиться и выйти победителем.

Чэнь Цили смирилась. Тягаться в красноречии с Янь Хуасином — задача не из лёгких.

— И какой же тогда стандартный ответ? — спросила она.

— Подумай ещё немного.

Чэнь Цили подпёрла подбородок и через пару мгновений предположила:

— J?

Янь Хуасин покачал головой. J был самым знаменитым среди всех обладателей способностей, и

можно сказать, что молодое поколение чуть ли не молилось на него.

— Учитель?

Снова отрицательный жест.

— Однокурсник?

Опять нет.

В голове Чэнь Цзили мелькнула догадка:

— ...Я сама?

Янь Хуасин наконец кивнул и улыбнулся:

— Верно.

Ответ лежал на поверхности, Янь Хуасин даже намекал на это ранее, но Чэнь Цзили догадалась только сейчас. Способность к логическим выводам у неё явно притупилась.

— Чэнь Цзили, именно ты — тот человек, который проходит с тобой через всю жизнь от начала и до конца. Если ты не можешь угодить самой себе, как ты собираешься радовать других?

Чэнь Цзили слышала эти слова и раньше, но когда их произнесли с такой искренностью, внутри неё поднялась буря, которая долго не могла утихнуть.

Смогу ли я?

Расставшись с Чэнь Цзили, Янь Хуасин, напевая себе под нос, распахнул дверь в кладовую для спортивного инвентаря.

— Доброго полудня, господа.

Вместе с его голосом послышалось шуршание одежды и испуганные вздохи нескольких человек. Янь Хуасин не хотел приходить, но после разговора с Чэнь Цзили и Чжан Хайюем у него на душе было беспокойно.

Янь Хуасин обвёл взглядом помещение:

— Ого, неплохой улов на сегодня, целых восемь человек.

Снова послышался приглушённый шёпот. В кладовой не было света, лишь тусклый луч пробивался сквозь крошечное окно, а небо за окном оставалось пасмурным. Янь Хуасин распахнул дверь пошире, и свет мгновенно залил входную зону.

Он взглянул на маленькие красные точки на экране своих часов, слегка постучал по ним пальцем и сказал:

— Ну что, выходите, покажетесь?

Это была привилегия инспектора дисциплины — возможность засекать других обладателей способностей поблизости.

Минута тишины. Никакой реакции.

Янь Хуасин, держа в одной руке зонт, а другой уперевшись в бок, вздохнул:

— Господа, вам не было неловко заниматься своими нежностями ввосьмером в одном пространстве, так почему же вы так упираетесь, когда нужно встретиться со мной? Неужели вы боитесь, что, увидев меня, разлюбите друг друга?

Находящиеся внутри едва сдерживались, чтобы не огрызнуться.

Разлюбить?! Да разве до любви, когда тебя поймали?!

Не дождавшись ответа, Янь Хуасин потёр большим пальцем указательный, и раздался резкий, неприятный звук миниатюрного электрического разряда. В тишине это прозвучало угрожающе. Скрывающиеся внутри люди мгновенно поняли — Янь Хуасин угрожает.

— Вы же смогли пойти против общественных устоев, чтобы быть вместе, так почему не можете принять этот вызов? Или любви не хватает? — усмехнулся он.

— ...

Провокация.

— Скоро начнётся урок, если опоздаете, Чу Чишэнь снова снимет с вас баллы, — медленно проговорил Янь Хуасин. — И тогда вы потеряете не только любовь, но и своё будущее. Ой, а баллы ведь могут удвоить. Что же делать?

Из темноты донеслись неуверенные голоса. Янь Хуасин подлил масла в огонь:

— Вы действительно готовы всё потерять?

Его голос, насмешливый и острый, словно клинок, разрезал ночную тишину. Послышались шорохи.

Никто всё равно не выходил. Янь Хуасин не торопился, чувствуя, что момент настал, и приподнял бровь:

— Две минуты.

...

— Одна минута.

Как только он закончил фразу, из темноты вышла парочка, до последнего державшаяся за руки. Янь Хуасин кивнул и провёл пальцем по огромной таблице, проецируемой с часов:

— Отношение достойное, сниму в два раза меньше баллов.

Зарегистрировав имена, пара поблагодарила Янь Хуасина перед уходом. Заметив, что они всё ещё держатся за руки, он нахмурился:

— Руки расцепить.

Они смущённо отстранились друг от друга.

Вслед за ними вышли ещё две пары. Увидев двух из них, Янь Хуасин даже удивился:

— Знакомые лица! Какие вы постоянные, просто молодцы.

Оба покраснели и опустили головы.

— Но с сегодняшнего дня — никаких отношений, иначе штрафные баллы удвоятся.

Янь Хуасин улыбался, произнося угрозу. Его школьная форма была безупречно отглажена, волосы слегка завивались, а на губах неизменно играла улыбка. Обладая ослепительно красивым лицом, он каждый день занимался тем, что разрушал чужие союзы, из-за чего многие называли его человеком с личиной ангела и сердцем зверя. Янь Хуасин слышал эти сплетни, но никогда не обращал на них внимания.

Прозвище Судья влюбленных не всегда носило негативный оттенок. Многие, получив от него наказание, всё равно умудрялись добавить: Янь Хуасин очень мягкий человек.

Быть судьёй и оставаться беспристрастным — именно в этом заключалась суть его прозвища.

<http://bllate.org/book/21500/2203180>